

Подводя некоторые предварительные итоги состоявшегося научного диалога, следует отметить, что материал, представленный в докладах и сообщениях участников конференции, значительно расширил границы научного описания творческих биографий братьев Влади-

мира и Василия Гиппиусов и конкретизировал представление об их вкладе в развитие отечественной культуры первой половины XX века.

© Г. В. Петрова

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-268-270

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПИСАТЕЛЬ И ЕГО МУЗА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ КОНЦА XIX–XX ВВ.»

15 октября 2020 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась Всероссийская научная конференция «Писатель и его Муза в литературном процессе конца XIX–XX вв.», организованная Отделом новейшей русской литературы. В ней приняли участие ученые из Москвы и Санкт-Петербурга. В свете реалий настоящего времени конференция проводилась в онлайн режиме на платформе ТелеМост.

В своем вступительном слове председатель оргкомитета Т. В. Игошева отметила, что традиционно научные доклады посвящаются самим писателям, оригинальность же данной конференции заключается в том, что внимание выступающих направлено на писательских муз в их разнообразных ипостасях, ролях и функциях.

Утреннее заседание открылось докладом Д. М. Магомедовой (Москва) «Разговор с Гением: об одном типе стихотворного диалога». В докладе проблема писателя и Музы рассматривалась в аспекте исторической поэтики. Его цель: обратить внимание на одну разновидность русского стихотворного диалога, получившего распространение в лирике первой трети XIX века, его можно назвать «разговор с Гением». Именование «Гений» в этом жанре имеет, по меньшей мере, два синонима: Ангел и Муза, хотя возможны и иные знаковые замены. Сквозной анализ стихотворных диалогов в русской лирике XVIII–XX веков позволил выделить несколько основных тематических групп, среди которых наиболее многочисленной оказался «диалог-манифест», внутри него, в зависимости от типа собеседников и сюжетного развития темы, наиболее заметны такие разновидности, как «состязание» (разговор равноправных собеседников-поэтов), разговор с профаном и разговор с Гением (Музой). Разговор-состязание, в отличие от двух других, в русской лирике распространен мало. Разговор с Гением приобрел гораздо большую частотность (В. Кюхельбекер, А. Дельвиг, Е. Катенин, К. Аксаков, М. Цветаева и др.). Такой диалог имеет устойчивую сюжетную схему: 1. появление Гения перед поэтом; 2. импера-

тивные монологи Гения, предписывающего поэту определенную гражданскую программу творчества; 3. элегические сетования поэта на собственную слабость и бессилие, отчуждение от императивной программы Гения; 4. вариативные концовки: разрыв Гения с поэтом или «воскрешение» поэта к новому призванию. Эта схема неожиданно воплотилась и в диалоге Н. А. Некрасова «Поэт и Гражданин», где соединились два типа диалога-манифеста: разговор с Гением и разговор с профаном, желающим играть роль Гения. В конце доклада сопоставлялись традиции русской и западноевропейской диалогической лирики, в которой Муза — не навязывающий свою программу Гений, а возлюбленная поэта. Отмечена особая роль «Разговора с Гением» М. И. Цветаевой, где тема творческого онемения осознается и декларируется как самоценная.

Доклад О. Р. Демидовой (Санкт-Петербург) «Клио и Мнемозина в диалогии Михаила Осоргина» основан на романной диалогии М. Осоргина («Свидетель истории» и «Книга о концах»), воссоздающей основные события российской истории первых двух десятилетий XX века: революция 1905–1907 годов, межреволюционное десятилетие, события февраля и октября 1917 года, последовавшие за Октябрьским переворотом террор и Гражданская война. Наряду с главными героями, каждый из которых имеет свой реальный прототип, сквозными для обоих романов, как и для творчества Осоргина в целом, являются музы Истории и Памяти, персонифицирующие центральные концепты мировоззрения автора.

Свой доклад «ДвоеВерие Евгения Иванова» О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) посвятила неизвестным деталям биографии Е. П. Иванова (1879–1942), ближайшего друга А. Блока, одного из колоритных представителей литературного Петербурга Серебряного века. Юношеское поклонение В. Ф. Коммиссаржевской приучило его вести дневник (первый шаг к будущему писательству) и через размышление о значении имени Бера привело к обретению веры религиозной. Кончина актрисы в 1910 году дала толчок к написанию

статьи «О Вере», ставшей одним из претекстов главного труда Иванова — толкования на Евангелия. Но слово «двоеверие» отсылает и к другой жизненной коллизии — периоду своеобразного раздвоения Иванова между двумя вдохновляющими его платоническими влюбленностями. Не ведая того, «соперницей» великой актрисы стала ее тезка, дальняя родственница Иванова В. Н. Дюкова.

Заседание продолжил доклад Е. В. Глуховой (Москва) «Эмилий Метнер в письмах к Мариэтте Шагинян: казус „эпистолярного дневника“». В своем докладе, основанном на архивных материалах, Глухова обратилась к реконструкции непростых взаимоотношений Э. К. Метнера и М. Шагинян, продолжавшихся, начиная с 1912 года, в течение нескольких лет. Шагинян в определенном смысле стала музой Метнера, его ближайшим другом, секретарем и помощником. Метнер, в свою очередь, прилагал усилия по формированию мировоззрения юной писательницы, подчас совершая насилие над ее собственными взглядами. В центре внимания докладчика оказался дневник Метнера, отразивший сложные, подчас драматические перипетии этих взаимоотношений. Глухова особо отметила, что записи Метнера носили не дневниковый, а эпистолярный характер. Оригинальный жанр, форма и содержание «эпистолярного дневника» стали предметом анализа в этом информационно насыщенном сообщении.

В докладе Е. В. Ивановой (Москва) «Музы позднего Блока» речь шла об отношениях поэта с Е. Ф. Книпович и Н. А. Павлович, которых условно можно назвать музами послереволюционного периода творчества Александра Блока. Отношения с ними складывались и развивались на фоне и в связи с большой служебной деятельностью, которую он вел в эти годы, и потому они были больше похожи на «производственный роман». Иванова обратила внимание также на послание Блока, адресованное М. И. Бенкендорф («Вы предназначены не мне...»), имеющее романтический подтекст, и на письмо Бенкендорф Блоку, раскрывающее судьбу этого послания.

Утреннее заседание завершилось докладом М. В. Орловой (Москва) «Иоанна Брюсова — адресат лирических посвящений поэтов начала XX в.». И. М. Брюсову (урожд. Рунт; 1876–1965) принято считать женщиной неприемной, умалявшей себя рядом с известным мужем. Однако жена поэта-символиста, хозяйка его квартиры, его секретарь, переводчица, корректор, редактор и даже курьер, стала не только адресатом любовных посвящений Брюсова разных лет — от незаконченной поэмы «Первая любовь» (1897) до стихотворений 1910-х годов («Моей Джени» и др.). Она вдохновляла и других поэтов своего времени, сумевших разглядеть в ней женственность, ум, ироничность, будила «чувства тайно-спящие», как писал очарованный женой друга К. Д. Бальмонт в своем стихотворении «Я буду ждать тебя...» (1899). Доклад сопровождался

компьютерной презентацией, основанной на материалах рукописных и книжных фондов Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Москва) и Рукописного отдела Российской государственной библиотеки.

Вечернее заседание открыла Е. И. Гончарова (Санкт-Петербург) с докладом «„Мистическая трагедия“ (Василий Розанов и Аполлинария Суслова)». В нем рассматривались отношения литератора с его первой женой. Основная тема творчества Розанова — тема пола, в связи с которой получили развитие и другие волнующие писателя вопросы: семья, критика христианского аскетизма. Проблематика творчества вытекала из личного опыта Розанова: неудачного первого брака, невозможности добиться развода от Сусловой после разрыва и, как следствие, «незаконнорожденность» его детей от второго брака. В докладе анализировалось неопубликованное письмо Розанова к Сусловой, позволяющее сделать вывод: вопрос «христианского брака» начал интересовать литератора уже во второй половине 1880-х годов. Также рассматривалось ценное для биографии Розанова неопубликованное письмо о Сусловой к критику А. С. Глинке-Волжскому (1916). Вопросы семьи и пола, занимавшие писателя с 1880-х годов, в дальнейшем обрастали подробностями и добавлениями в книгах «В мире неясного и нерешенного», «Семейный вопрос в России», «Около церковных стен», «Уединенное», «Мимолетное» и «Опавшие листья». Корни этих тем произрастали из «пятилетней мучительной драмы» первого брака Розанова.

В докладе Н. Ю. Грякаловой (Санкт-Петербург) «К кому же все-таки обращено стихотворение А. Блока „Испанке“?» был поставлен вопрос об адресате стихотворения и оспорена гипотеза о том, что оно вдохновлено образом гитаны в исполнении артистки «малого жанра» Казарозы (Б. Г. Шеншевой). На основе документально-биографических материалов и обращения к историко-культурному контексту выдвинута альтернативная версия: имплицитным адресатом стихотворения является Л. Д. Блок, исполнявшая роль Испанки в спектакле Териокской антрепризы в июне 1912 года. Сам текст рассматривается как «геральдическая конструкция» (прием «mise en abyme») с отсылкой к пантомиме Вс. Мейерхольда «Влюбленные», поставленной по одноименной картине испанского художника Англады-и-Камарасы, декодирующей ситуацию «любовного треугольника».

Заседание продолжил доклад Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «Музы „Мужичкого сфинкса“ М. А. Зенкевича». Выделяя ключевые смыслообразующие культурные каналы, повлиявшие на формирование замысла романа Зенкевича «Мужичкий сфинкс» (1921–1928), Игошева, в первую очередь, остановилась на влиянии тургеневско-блоковской метафоры «Россия — сфинкс» на комплекс идей народной Руси в романе. Кроме того, она выдвинула тезис о том, что кроме мужского

гендерного значения «сфинкс» у Зенкевича содержит в себе еще и женский гендерный аспект, формирующий образ женщины-сфинкса, важный для раскрытия содержания первой, «городской» части романа. Центральный женский образ романа Эльга Густавовна, воплощая собой типаж роковой женщины, женщины-сфинкса эпохи модерн, вместе с тем создан не без влияния на него образа А. Ахматовой.

В докладе А. М. Грачевой (Санкт-Петербург) «Казус мистической Встречи в русском Париже 1930-х гг. (Роман В. Емельянова «Свидание Джима»)» был дан анализ единственного опубликованного в 1938 году произведения писателя первой волны русской эмиграции, члена русской масонской ложи «Северная Звезда» В. Н. Емельянова (1899–1963). Анализ романа показал, что его основой является символистский сюжет о мистической Встрече главного героя — писателя с Душой Мира, с Вечной Женственностью — сверхчувственными субстанциями, на мгновение воплощающимися в облике его возлюбленной — земной девушки. «Ключом» к раскрытию смысла произведения Емельянова являются символика и образность Вл. Соловьева и «младшего» символиста-соловьёвца А. Блока. «Свидание Джима» «пронизано» точными и скрытыми цитатами и аллюзиями на произведения этих писателей. Другим «ключом» к пониманию романа в плане его аллегорико-дидактического прочтения предстает масонская символика. «Свидание Джима» — это история о движении «профана» (писателя, затем девушки) по ступеням мистического процесса посвящения. Его этапами являются «испытания» (погружение в мир материи, обретение ложных спутников), «смерть» и «воскресение» (возрождение) — переход на высший уровень сознания и бытия.

На неизвестных ранее архивных материалах основывался доклад Ю. М. Валиевой (Санкт-Петербург) «Прекрасная Амалия (к биографии прима обэриутского театра)». В нем приводились сведения, касающиеся биографии и истории семьи одной из ведущих участниц обэриутских театральных постановок А. Я. Гольдфарб, входившей в близкий круг обэриутов/чинарей и выступавшей под сценическим псевдонимом «Амалия Грин».

Ю. Б. Орлицкий (Москва) в докладе «„Сама себе муза“: уникальный феномен Музы Константиновны Павловой (1917–2006)» проанализировал логику творческого развития незаслуженно забытой русской поэтессы, автора широко известных переводов польских авторов («Король Матиуш Первый» Я. Корчака, стихи М. Конопницкой, Я. Ляхоня, Я. Ивашкевича,

пьесы С. Мрожека), а также Назыма Хикмета, Г. Гейне, Ф. Гарсиа Лорки, Э. Ионеско и других писателей. Окончив Ленинградскую консерваторию, Павлова дебютировала как оригинальный поэт книгой «Полосатая смерть» (Ереван, 1943), многие стихи в которой посвящены ленинградской блокаде; ее поэзия 1950–1970-х годов, испытывая сильное влияние обэриутов и мастеров литературы абсурда, печаталась в там- и самиздате, абсурдистские пьесы шли во многих странах Европы, а миниатюры вошли в репертуар театра А. Райкина. В 1990-е годы две книги ее драматургии и брошюра стихов вышли в России. Мастер современного стиха, Павлова одной из первых нашла точный эквивалент верлибру Н. Хикмета и во многом способствовала его утверждению в сознании русского читателя. Муза Павлова активно участвовала в литературной жизни Москвы, сохранились интересные мемуары о ней Ч. Гусейнова, Э. Лимонова, М. Жванецкого.

На конференции также был представлен стендовый доклад С. В. Федотовой (Москва) «„Муза кукурузы“ на развилке творческого пути Корнея Чуковского 1910-х гг.». Предметом рассмотрения в нем стало шуточное стихотворение писателя «О Иза, Муза кукурузы! К тебе так благосклонны Музы...», которое адресовано И. Я. Кремер и записано в его дневнике 15 апреля 1914 года. Анализ биографического подтекста, историко-литературного контекста, а также игровой поэтики этого мадригала приводит к неожиданным выводам, опровергающим его оценку как «легкомысленного стишка» (И. Лукьянова). Согласно предложенной гипотезе, стихотворение является блестящей пародией на «поэзы» Северянина и «интимные песенки» Изы Кремер, а кроме того, обыгрывает аллюзии на классиков (Пушкина, Крылова, Некрасова). Анализируемый текст представлен как своего рода аккумулятор творческих исканий Чуковского первой половины 1910-х годов и в этом смысле как символ развилки писательского пути, предопределяющей смену его литературных амплуа: от Чуковского-критика — к Чуковскому-сказочнику и некрасоведу.

Доклады сопровождалась вопросами и оживленным обсуждением, в котором приняли участие все присутствующие. Конференция закончилась подведением итогов и построением планов на будущее. Благодаря трансляции на YouTube-канале Пушкинского Дома за ходом конференции смогло наблюдать значительное число зрителей.

© О. А. Лундберг